

Челябинский гуманитарий. 2026. № 2 (75). С. 110–118.

ISSN 1999-5407 (print).

Chelyabinskij Gumanitarij. 2026; 2 (75), 110–118.

ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья

УДК 316.742:087.5:316.747

DOI 10.47475/1999-5407-2026-75-2-110-118

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ПАРАЛИТЕРАТУРЫ В МЕТАМОДЕРНЕ

Елена Александровна Селютина¹, Симонова Светлана Геннадьевна²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² Златоустовский индустриальный колледж им. П. П. Аносова, Златоуст, Россия

¹ L22502@yandex.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5982-6208>, SPIN-код: 2873-9060

² Svetlanasimonova2015@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу паралитературы как социокультурной практики в условиях метамодерна – новой эпистемы, характеризующейся осцилляцией. Цель исследования – осмыслить природу, функции и специфику паралитературы в контексте трансформации культурных иерархий и диджитализации культуры. В качестве материала выступают теоретические труды, посвященные исследованию паралитературы, а также эмпирические образцы неинституционального письма (тексты на платформах самиздата и школ креативного письма). Методологическую основу составляют культурологический подход, концепция дискурсивной формации (М. Фуко) и идея «трансфикциональности» (Р. Сен-Жиль). В обсуждении подчеркивается, что паралитература, возникшая ещё в рамках постмодерна, в метамодерне обретает новые формы благодаря цифровым технологиям и смещению акцента с эстетической ценности на коммуникативную и идентификационную функции. Автор приходит к выводу, что паралитература представляет собой автономный, маргинальный, но жизнеспособный сектор культуры, где легитимация осуществляется не через институты, а через комьюнити, а ценность определяется не художественным качеством, а участием в ритуалах совместного творчества, самовыражения и культурной самоидентификации.

Ключевые слова: паралитература, метамодерн, постструктурализм, неинституциональное письмо, иерархии культуры, трансфикциональность, коммуникативная функция культуры.

Для цитирования: Селютина Е. А., Симонова С. Г. К вопросу о статусе паралитературы в метамодерне // Челябинский гуманитарий. 2026. № 2 (75). С. 110–118. doi: 10.47475/1999-5407-2026-75-2-110-118

Original article

ON THE STATUS OF PARALITERATURE IN METAMODERNISM

Elena A. Selyutina¹, Svetlana G. Simonova²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

² P. P. Anosov Zlatoust Industrial College, Zlatoust, Russia

¹ L22502@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5982-6208>

² Svetlanasimonova2015@mail.ru

Abstract. The article examines paraliterature as a sociocultural practice within metamodernism, as a new episteme characterized by oscillation. The study aims to explore the nature, functions, and specificity of paraliterature against the backdrop of shifting cultural hierarchies and the digitization of culture. The research material includes theoretical works on paraliterature as well as empirical examples of non-institutional writing (texts published on self-publishing platforms and produced in creative writing schools). The methodological framework draws on cultural studies, Michel Foucault's concept of discursive formation, and Richard Saint-Gelais's notion of "transfictionality." The discussion emphasizes that while paraliterature originated within postmodernism, it has acquired new forms in the metamodern era due to digital technologies and a shift in emphasis from aesthetic value toward communicative and identity-forming functions. The author concludes that paraliterature constitutes an autonomous, marginal yet viable sector of contemporary culture, where legitimacy is conferred not by institutions but by community practices, and where value resides not in artistic quality but in participation in rituals of co-creation, self-expression, and cultural self-identification.

Key words: paraliterature, metamodernism, poststructuralism, non-institutional writing, cultural hierarchies, transfictionality, communicative function of culture.

For citation: Selyutina E. A., Simonova S. G. (2026). On the status of paraliterature in metamodernism. *Chelyabinskij Gumanitarij*, 2 (75), 110–118. doi: 10.47475/1999-5407-2026-75-2-110-118

Актуальность изучения паралитературы как культурной практики не вызывает сомнений в связи с осмыслением нового этапа культуры, который теоретики определяют как метамодерн и пересмотром понятий, которые в новой системе координат меняют значение, иначе представляют культурные иерархии, являются дискуссионными в теории «новой массовой культуры» и литературы, в частности. Необходимость теоретико-методологического и историко-культурного осмысления законов и способов существования, механизмов развития паралитературы, а также определения ее жанрово-форматного спектра на новом этапе представляется интересной междисциплинарной задачей, находящейся на пересечении исследований культуры и литературы. Несмотря на то, что уже с конца 1950-х годов массовая культура начинает анализироваться вне негативных коннотаций и поле ее исследований серьезным образом обновилось, в том числе в нее вошло изучаемое нами понятие «паралитература», мы не можем констатировать, что дефиниция понятия стабильна и неизменна, напротив, появление новых образцов культуры и способов ее трансляции вновь интенсифицирует дискуссию о том, что мы должны понимать под культурой и ее репрезентациями.

Зарубежные и отечественные исследователи, которые констатировали недостаточность постмодернистской оптики для описания явлений конвергентного времени и новейшей культуры (т.е. сетевой культуры, новейшей архитектуры и виртуального дизайна, моды, музыки, литературы, театра, перформанса и т.п.) предложили обозначать новый период культуры в XXI веке термином «метамодерн» (см. работы Т. Вермюллена и В. дер Аккена (Вермюллен, Аккен 2019), Л. Черьялло, Г. Дембера (Черьялло, Дембер 2013), М. Эпштейна (2001)). Не ставя себе цели подробного анализа метамодерна как философии и практики культуры, укажем на принципиально важные для нас моменты. Ученые фиксируют не только динамику материального (новые технологии), но и принципиально новый подход к культуре: принцип разнообразия и непересечения сегментов культуры, ориентированных на различного потребителя, существующих одновременно и обеспечивающих интерес непересекающихся социальных групп. По словам Вермюллена и Ван дер Аккена, метамодернизм «осциллирует между энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой, между надеждой и меланхолией, между простодушием и осведомленностью, эмпатией и апатией, единством и множеством, цельностью и расщеплением, ясностью и неоднозначностью» (Вермюллен, Аккен 2019: 36). Неслучайно искусствовед Д. Сальц указывает на «принципиальную открытость» современного искусства, говоря о том, что не существует более ограниченного набора канонических источников, которые обязан знать каждый, напротив, мир культуры стал подобен википедии, претендующей на всеохватность и всеядность (Saltz 2010). Метамодерн мы будем понимать как дискурсивную формацию, т.е. иметь в виду, что это не стиль культуры (подобный модерну или постмодерну), но система правил и условий, определяющих возможность появления, функционирования и трансформации высказываний в определенной исторической эпохе: не просто набор текстов культуры, а регулярности, определяющие, что можно сказать, о чём думать и считать значимым в рамках эпистемы (Фуко 1996).

На наш взгляд, именно концептуальное «разнообразие» позволило развиваться новому сегменту культуры, который мы определяем как паралитературу. Важен вопрос: о каких рода явлениях мы должны говорить в контексте обсуждения паралитературы, и действительно ли это явление мы можем определять как новое.

Целью данной статьи является анализ паралитературы как явления современной культуры, неинституциональной социокультурной практики новейшего времени; обсуждение некоторых принципиально важных аспектов переоценки паралитературы в контексте проблемы массовизации культуры в XXI веке, влияние диджитал-инструментов на взрывной рост паралитературы в метамодерне; осмысление некоторых аспектов природы, законов и форм существования паралитературы. В связи с этим материалом исследования будут являться труды теоретиков, осмысляющих паралитературу как теоретическую проблему и образцы паралитературы на интернет-платформах.

Мы должны отделить паралитературу от собственно литературы, в том числе литературы массовой. И это принципиальный момент для выявления ее специфики. Термин «паралитература» относительно новый, появился в трудах французских постструктуралистов (Н. Арно, Ф. Лакассан, Ж. Тортель и др., см. об этом (Щербинина 2011) и британских (а затем и американских) теоретиков культурных исследований, которые сочли необходимым конкретизировать новое состояние культуры (постмодернизм) и ее основное свойство (интертекстуальность) в аспекте разрушения традиционных отношений верха и низа (см. об этом (Усманова 2001)). Т.е. задолго до теоретизирования метамодерна появилось понимание необходимости разметки сектора культуры, который не вписывался в принятые концепции аксиологического подхода к литературе. Литературные образцы в этой традиции рассматриваются неизоллированно от массовой культуры в целом (анализируется культура повседневности во всем ее многообразии), т.е. по закону системы, обладают теми

же свойствами, что и сама культура «низа».

Тогда под паралитературой понимали литературное творчество низкого качества, формульное письмо: шпионские, полицейские, научно-фантастические романы; книги ужасов; комиксы; костюмно-исторический роман с примесью мелодрамы; любовный, дамский, сентиментальный, «розовый» роман («лавбургер») и другие (о жанровом диапазоне паралитературы см. работы в спецномере журнала «Новое литературное обозрение» (Другие литературы 1996)). В трудах Д. Кавелли и других социологов литературы обоснован подход к такого рода литературе как феномену, обладающему признаками серийности, клишированности, каноничности, шаблонности (Кавелли 1996). И мы не можем игнорировать богатую собственно литературоведческую традицию изучения паралитературы. Для отечественных литературоведов термин «паралитература» долгое время был нерелевантным, но жанры, его репрезентирующие, полагались областью массовой литературы. В трудах формалистов (В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н. Тынянова) и структуралистов (структурно-семиотической школы Ю.М. Лотмана) заложен социологический подход к такого рода письму: изучение массовой литературной традиции во многом должно опираться на социологический инструментарий, а также осознавать отсутствие равенства «между массовостью и исторической значимостью», зависимости между высокой эстетическим статусом текста и его популярностью (Лотман 1997: 818); изучение массовой литературы «касается не столько структуры того или иного текста, сколько его социального функционирования в общей системе текстов, составляющих данную культуру» (Лотман 1997: 819). Поэтому для литературоведов массовая литература – это, с одной стороны, образец «средней литературной нормы эпохи» (Лотман 1997: 819), с другой – ресурс для перехода «неканонизированных» (Тынянов) приемов в область канона. Лотман указывает, что «говорить о массовой литературе применительно к текстам, не разделенным по признакам распространения, ценности и т. п. на какие-либо части <...>, очевидно, не имеет смысла» (Лотман 1997: 819). Таким образом, несмотря на, очевидно, иную, социологическую исследовательскую оптику, массовая литература помещена в генеральную рамку двухуровневой (верх-низ) или трехуровневой (верх-медианная-низ) культурной иерархии, предполагающую ценностный подход к художественной словесности.

Именно поэтому паралитература в достаточной степени изучена в трудах литературоведов, рассматривающих ее в контексте проблемы литературных иерархий, литературного канона, литературных рядов, массовой литературы различных периодов истории литературы (см. работы М. Ямпольского (Ямпольский 1998), Б. Дубина (Дубин 2010), И. Сухих (Сухих 2016), М. Черняк (2009), Г. Блума (Блум 2017)). Несмотря на то, что паралитература как явление массовой культуры локализуется теоретиками в XX-XXI веке, генезис паралитературы можно проследить в более ранних эпохах развития словесного искусства. Невозможно не согласиться со взглядом на историко-литературный процесс А.И. Рейтблата, который полагал, что массовая литература существует в каждую эпоху развития словесности и связывает появление собственно массовой литературы с общими тенденциями демократизации литературы и вкусов читателя во второй половине XIX века (Рейтблат 2001). Классические литературоведческие труды используют аксиологический подход, помещая массовую литературу в абсолютный низ литературной иерархии (тогда ее синонимом становится китч-литература). И это очень важный момент, т.к. несмотря на низкий статус, паралитература (массовая литература) все же остается областью художественного творчества. Сошлемся на аргументацию С. Чупринина, который формульную литературу называл тенью «настоящей», «тенью качественной, но тенью люминесцентно яркой, упрощающей и доводящей до крайнего предела, в том числе и до карикатуры, всё то, что накоплено художественной традицией» (Чупринин 2004).

Новейшее литературоведение определяет паралитературу исходя из нового эмпирического материала исследований, появившегося в конвергентную эпоху: к паралитературе относят сетевое письмо (сетература), неинституциональное креативное письмо (например, фанфики) и таким образом, паралитература становится частью трансфикциональной области культуры. Неслучайно критик Н. Иванова предлагает термин «ultra-fiction» в противовес «массовой» и «высокой» литературе, понимая по ним «сплав “высокого” с “низким”, заумного с интересным, странного и непривычного — с принятым в серьезной словесности вниманием и уважением именно что к литературному слову» (Иванова 2006).

Отметим, что работы, выводящие паралитературу за область институционального письма как такового, т.е. те, что видят в ней образцы текстов, которые не должны пониматься как «литература» в принципе, синонимом паралитературы полагают псевдолитературу или неинституциональное письмо. Такую точку зрения обосновывают В. Хализев (Хализев 1999), Е.В. Козлов (Козлов 2009). На наш взгляд, правомерно вынесение паралитературы за рамки художественной словесности, но нет равенства между понятиями «паралитература» и «графомания»: это, действительно, формы низкой литературы, отвергаемые элитарным канонам, но они различаются по статусу, намерению и культурной роли: паралитература - массовый жанр с социальным значением, графомания же - патологическое письмо (см. об этом исследования А.В. Марковича (Маркович 2012), А.С. Возняк (Возняк 2017)). Паралитература отличается прагматическими установками и адресацией: направлена на формирование гедонистического опыта, в противовес опыту когнитивному;

произведения паралитературы адресованы неподготовленному читателю, воспринимающему произведение без представлений о его художественной природе, они носят упрощенный характер, воспроизводят привычные нормы культуры и морали, находясь на периферии собственно литературного процесса или вне его. Но при этом паралитература остается областью креативного творчества, пусть и неинституционального, выполняющего функцию хранения и трансляции форм культуры, достаточно интересных для воспроизведения с целью самореализации и интеракции с подобными же авторами и читателями. Тогда в область литературы попадают не только низкокачественные тексты, но и все практики «креативного письма», «самиздата», многочисленно представленные на Ridero, ЛитРес Самиздат и т.п. Широкое распространение паралитературы обусловлено возможностью реализоваться в писательском творчестве, не имея диплома; быстрым распространением литературного произведения с учетом возможностей интернета; найти признание у публики при активной интеракции через комментарии и посты; отсутствие цензуры (иногда при минимальной редакции); получение финансовой поддержки через донаты – добровольные пожертвования. Как утверждает Е. В. Козлов, тема развлекательности становится доминирующей ввиду того, что массовая культура (по крайней мере, в своем художественном аспекте) воспринимается как культура развлечений, культура свободного времени (Козлов 2009). Область интенций авторов и читателей паралитературы – тема отдельного исследования, но мы должны отметить, что далеко не всегда обращение их к паралитературным текстам обеспечено неразвитым литературным вкусом. Напротив, это может быть следствием желания сотворчества и сотрудничества с миром любимого художественного текста и его автором, выходом текста за свои пределы (здесь мы апеллируем к понятию «трансфикциональность», предложенному французским культурологом и философом Р. Сен-Жилем (Сен-Жиль 2011)). Поэтому авторы фанфиков, кроссверов, развивающие побочные сюжетные линии текстов Ф. Достоевского, Д. Роулинг или А. Сапковского, безусловно, сохраняют связь с первоисточником, конструируя дополнительные зоны связности с художественным текстом.

Для нас определяющим в подходе к паралитературе является не ее художественное качество, и не стандартизированный жанровый спектр, а вовлеченность в эту социокультурную практику большого количества персон, и ее взрывной рост в связи с появлением новых ресурсов для презентации образцов такого письма. М. Эпштейн называет современность эпохой «диктатуры письма» (Эпштейн 2015). Социальные сети и общая цифровизация культуры потребовала от современного человека развития навыков письменной речи и письменной рефлексии. Общая тенденция культуры метамодерна с фокусом на самопрезентацию (т.е. любые автофикциональные практики словесного и несловесного искусства), обусловила повышение ценности индивидуума, а вышеназванная тенденция ухода от канона как такового повысила ценность продуктов словесного творчества, ориентированных не столько на осмысление глобальных или субстанциональных вопросов человечества, сколько на общую практику работы в готовых, алгоритмизированных формах культуры, адресованных конкретной социальной группе. Поэтому закономерно, что паралитература теоретиками определяется как часть общего мифологического поля культуры. Так, например, Д. Олицкая говорит о паралитературе как о части поп-культуры, с ее обязательными клишированными образами и сюжетными стратегиями (Олицкая 2018).

Поэтому паралитература как часть новейшей культуры не может описываться вне культурологических штудий. В трудах С. Холла «культура» перестает быть «объектом» и становится «способом проживания», совокупностью практик, формирующих идентичность субъекта, класса, расы и гендера; культура включает в себя не только элитарную интеллектуальную традицию («лучшее из всего сказанного и сделанного человечеством»); она не тождественна «высокой культуре», это, прежде всего, социальный феномен, а не «сумма эстетических идеалов красоты» и не «голос разума» который проникает через границы времени и нации и говорит от лица гипотетическою универсального человека» (обзор методологической традиции см. в работе С. Вирачевой (Вирачева 2021)). Такой подход позволяет анализировать паралитературу во множестве аспектов, от интенций неинституционального письма до рецепции культурных продуктов в новых условиях существования текста на сетевых платформах. Очевидно, что паралитература - не только продукт культуры, но процесс – социокультурная практика, характеризующаяся определенными процедурами презентации и практиками создания текста. Вслед за Р. Уильямсоном, который, в противовес традиции делить культуру на высокую и низкую, предлагал выделять «живую культуру», «зарегистрированную культуру» и «селективную культуру», полагая, что культура – явление постоянно меняющееся, и если ранее культурный канон формировали элиты, то актуальная культура занимается селекцией материала, т.е. оставляет в ее актуальном секторе только контекстно-значимые смыслы и формы (Уильямсон 1977), мы полагаем, что паралитература обеспечивает объединение авторов в сообщество, обладающее схожими ценностями и готового воспроизводить все ритуалы вокруг презентации материалов (в том числе и практику обязательной интеракции – отзыва на продукт). Поэтому мы можем рассматривать паралитературу как социокультурную практику, отвечающую потребностям и ценностям нового метамодернистского этапа развития культуры, практику, создающую то, что является ценным для социума, легитимизирующую

практику креативного массового письма XXI века, готового работать с предложенными формами иного типа институционализации, параллельной институционализации общепринятого типа. Тогда мы можем ответить на вопрос: почему, несмотря на очевидную ценность паралитературы как практики самовыражения и сотворчества, она не перешла из разряда маргинальной практики, пусть и социально одобряемой, в разряд «доминирующей» (Р. Уильямс), оставшись в emergent-секторе культуры (возникающем, строящемся)? Потому что это культура, за редким исключением, не претендующая на одобрение и легитимацию вне своего сектора. Поэтому, несмотря на введение нового эмпирического материала в исследования культуры, как для теоретиков конца XX века, так и для исследовательского вектора XXI века паралитература остается явлением маргинальным, периферийным, поэтому анализируется через систему оппозиций уже имеющейся богатой традиции оценки культуры элитарной (культуры канона).

Взгляд на паралитературу как маргинальную практику культуры предлагают теоретики Бирмингемского центра культурных исследований, прежде всего, Р. Хогарт, анализирующий паралитературные и, шире, паракультурные явления через анализ структур власти и социальные оппозиции (культура рабочего класса противостоит культуре элитарной). В работах Р. Хогарта «Выгоды образованности» (1957) и Уильямса «Культура и общество» (1958) еще сохраняется оппозиция верха и низа, но появляется корректный анализ тотального наступления массовой литературы на канон. Проблема «низа культуры» и его признаки были сформулированы через анализ масс-медиа, субкультур, территории торговли: исследования представляют собой своего рода «культурную антропологию» современных пост-индустриальных обществ. Внеаксиологический подход также предлагал историк-марксист Э. Томпсон в исследовании «Созидание английского рабочего класса» (1968). Он показал, что иерархические отношения становятся нерелевантными в мире, где «Культура» заменяется «культурами» - множественными, частными, исторически и социально определенными. Под множественностью «культур» Томпсон понимает не способ жизни вообще, а многообразные способы жизни (или проживания) («the way of life»), имеющие качественную определенность, детерминированную материальными условиями жизни (антропологическое определение культуры как жизненной практики). (об этом см. обзор теоретических трудов Р. Усмановой (Усманова 2001)). Для нас наиболее ценной является мысль теоретика о культуре как процессе обмена значениями, носящими исторически изменчивый, преходящий характер, но при этом максимально стереотипизированный для каждого конкретного социокультурного момента.

На наш взгляд, подход к паралитературе как к явлению можно сформулировать с опорой на труды Ф. Джеймиссона, который еще в 1980-е годы определил принципиальную важность экономического измерения культуры (начиная с постмодерна), что также выводит ее из аксиологического подхода литературоведов: «Различные виды постмодернизма были, собственно, очарованы всем этим «деградировавшим» ландшафтом барахла и китча, телесериалами и культурой «Ридерз дайджест», рекламой и мотелями, ночными телепередачами и голливудскими фильмами категории В, так называемой паралитературой с ее привокзальными изданиями в мягкой обложке — готикой и женскими романами (romance), популярными биографиями, детективами, научной фантастикой и фэнтези: материалами, которые они уже не просто «цитируют», как какой-нибудь Джойс или Малер, но встраивают в собственную субстанцию» (Джеймиссон 2019: 86). Качество текста (origin) не являлось определяющим, напротив, жизнеспособность паралитературы напрямую зависела от желания потребителя получить предсказуемый результат при потреблении продукта культуры.

В таком случае паралитература должна оцениваться вне поля литературных иерархий вообще, т.к. служит способом самоопределения, самоозначивания индивидуума в культуре. Ю. Степанов, анализируя механизмы формирования культурных мифов, определяет их значение в контексте размежевания «своего» и «чужого» в культуре (свое – чужое «в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» (Степанов 1997: 472). Мы полагаем, что паралитература – это культурная практика, обладающая всеми признаками культуры особого типа: системность (паралитература имеет свою систему паралитературных конвенций, связанных с родом литературы), подсистемность (регулирует систему жанров и иных синтетических жанровых образований), память культуры (элементы могут актуализируются внутри паралитературы и вновь уходить на периферию), закон адаптации (паралитература адаптируется к новым условиям существования культуры, делая возможной переоценку своих старых слоев и возникновение новых, т.е. отвечает на запрос общества на «повестку», доминирование клише определяется и моментом и субстанциональностью литературной проблематики, в том числе и входящей в канон).

Итак, мы полагаем, что текст можно отнести к паралитературному, если он отвечает следующим критериям: создан любителем, который определяет себя как «писателя-любителя», принимая конвенции предлагаемые самиздатскими платформами, т.е. самоидентифицирует себя как писателя-непрофессионала; эксплуатирует стандартные (канонические) конфликты, что не исключает работы с новейшей социокультурной повесткой и трансляции ее ценностей; с точки зрения формы тяготеет с

сериальности и другим чертам формульного письма; имеет специальное место размещения (платформы самиздат и платформы «креативного письма»); принадлежит к стандартизированным жанрам литературного творчества (ангст, гапфиллер, десфик, «занавесочная история» и т.п. (о типологии новейших жанров паралитературы см., например, Словарь терминов, используемых в фанфиках (Словарь терминов)). Очевидно, что расцвет самиздатовских практик обусловлен новыми возможностями креативной среды метамодерна.

Так, например, мы можем говорить о расцвете *creative writing school* и самиздатовских платформ, которые разработали пошаговую инструкцию для входа в мир художественного творчества. И несмотря на то, что отдельные образцы творчества действительно в итоге переходят в институциональный мир литературы (публикуются в «толстых» литературных журналах, входят в сектор успешных дебютов издательств), все же количественные показатели говорят об достаточно большой вовлеченности в практику производства текстов людей, которые не вышли к массовому читателю. Так, например, данные одной из самых крупных школ в стране - «Creative Writing School» говорят о более чем 20,000 выпускников, но при этом доля институциализации среди них минимальна (успешные кейсы есть как в области романских форм, рассказов, так и в детской литературе) (см. <https://litschool.pro/about/>). Майя Кучерская и Наталья Сипова, создатели школы мастерства определяют ее миссию: «На каждое унылое «нет» мы говорим бодрое «да». Русская литература привыкла говорить о смысле жизни и несчастной любви, о тоске и чувстве вины, слишком часто забывая за этими большими вопросами о качестве письма — о том, что текст нуждается в продуманной архитектуре, дозированных описаниях, что все ружья, развешанные на стенах, обязаны стрелять, и что читатель — наш добрый приятель, о котором необходимо заботиться. Предлагать между делом сигары и игристое, апельсиновый фреш и свежий анекдот. Наш проект ставит вопрос о качестве письма, о литературной грамотности на повестку дня. Не говоря, разумеется, о том, что сочинение текстов — это тайна рождения, это терапия, освобождение, остров счастья, словом, творчество» (Creative Writing...). Область интенций авторов можно проанализировать через отзывы на программы школы: «Пришла в мастерскую Веры Аркадьевны уже в третий раз, без конкретной цели, просто для удовольствия, и получила его много-много»; «Возможно, не всё удавалось, но в чудесной атмосфере взаимной поддержки и ошибаться не страшно!»; «А кроме пользы, я получила большое удовольствие, поэтому рекомендую занятия с Дарьей от всей души!» (Creative Writing). Таким образом, очевидно, что интенции учеников школы ставят на первое место ценности комьюнити, возможность получить удовольствие и самореализоваться. На наш взгляд, анализ отзывов о программах курсов может также стать предметом отдельного рассмотрения в рецептивном аспекте и построении шкалы ценностей неинституциональной литературы.

Выше мы указали, что рассматриваем паралитературу в рамках метамодернистской дискурсивной формации, следовательно, учитываем поля значимости, допустимости, концепты, материализацию в институтах. На наш взгляд, паралитература может быть рассмотрена в контексте неинституционального письма, со своими платформами, иерархиями, тяготением к определенным жанровым форматам и интенциями письма. По словам Г. Гун, культурный институт – важнейшее понятие культурологии, «в более узком смысле чаще всего соотносится с различными организациями и учреждениями, непосредственно осуществляющими функции сохранения и трансляции культурно значимых явлений. <...> В культурологических исследованиях институтами называют библиотеки, музеи, театры, филармонии, творческие союзы, общества по охране культурного наследия и пр.» (Гун 2011: 46]. Поэтому понятие «неинституциональное письмо» связано с этим представлением об институциализации. Неслучайно теоретик паралитературы Р. Краусс определяет ее через «партизанство» и «цитацию» уже готовых форм (Краусс 1980: 38). Это форма письма, выходящая за рамки академических, литературных или официальных институтов. Современное искусство, согласно теоретику культуры А. Данто, может знать о существовании истории искусства, но оно не чувствует необходимости продвигать эту историю или развивать ее, как не чувствует необходимости дистанцироваться или же освобождаться от прошлого (Данто 2018). На наш взгляд, именно в силу этой неинституциональности, паралитература не чувствует необходимости бороться за новизну, изобретение новых жанров, находясь в параллельной реальности, ином секторе культуры.

На наш взгляд, создание паралитературных образцов культуры нужно рассматривать в коммуникативном аспекте. Сошлемся на теоретика Д. Келлнера, который полагал, что культура коммуникативна по своей природе, поэтому цикл производства и потребления артефактов есть коммуникативная цепочка (Kellner D. 2001). И этот подход позволяет рассуждать о паралитературе вне контекста «классовой теории» (литература обеспечивает ценности класса или социальной группы) и строгой зависимости определенных культурных практик от языка, образования, поведения, которые всегда приобретаются через призму классового окружения: создание паралитературного текста в итоге напрямую зависит от интенции этот текст создать в принципе.

Таким образом, уточнив методологические подходы к паралитературе, систематизировав исследовательский материал, мы определили паралитературу как культурологический феномен. Мы

можем сделать вывод, что паралитература должна рассматриваться как явление двуплановое: во-первых, как автономный сектор культуры, который, с одной стороны, ориентирован на институциональный литературный канон, с другой – не зависит от него, т.к. имеет собственные инструменты оценки и отбора, в большей степени зависящего не от редактора или критика, а от читателя платформы; во-вторых, как коммуникативная практика современного человека, связанная с передачей ценного опыта креативности, как вариант трансляции ментальных структур, свойственных изучаемой эпохе, языку, культуре, наиболее стандартизированных за счет многократного повторения, формирующих систему ожиданий читателей-потребителей такого рода культурного продукта в сфере неинституционального письма; в-третьих, как инструмент самовыражения. Важно, что в триаде автор-текст-читатель, в паралитературе акцент делается на авторе, т.к. паралитература дает возможность креативного самовыражения прежде всего. Паралитература – явление, содержание которого определяется через соотнесенность с ценностями метамодерна, хотя своим появлением паралитература обязана постмодерну. Диджитализация спровоцировала «диктатуру письма», где паралитература легитимирует креативные практики самореализации, комьюнити и алгоритмизированных форм, не нуждаясь в канонизации. Паралитература остаётся маргинальной, но жизнеспособной практикой культуры, где ценность располагается в коммуникативной цепочке, а не эстетике, обеспечивая идентичность через стереотипизированные ритуалы потребления и производства.

Список источников

- Аккер Р. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма // *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма*. М. : РИПОЛ Классик, 2020. С. 34–60.
- Блум Г. Западный канон: книги и школа всех времен. М. : Новое Литературное обозрение, 2017. 667 с.
- Виравчева В. А. Культура общества массового потребления: неклассическая методология исследования (С. Холл, Р. Джонсон) // *Учёные записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики*. 2021. № 2 (74). С. 60–70.
- Возняк А. С. Графомания как культурно-эстетический феномен: постановка проблемы // *Вестник МГУ. Серия 9: Филология*. 2017. № 4. С. 175–180.
- Гун Г. Е. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. Выпуск 8-4. С. 44–48.
- Данто А. Что такое искусство? М. : Ад Маргинем, 2018. 168 с.
- Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М. : Изд-во института Гайдара, 2019. 816 с.
- Другие литературы. Специальный выпуск // *Новое литературное обозрение*. 1996. № 22. 448 с.
- Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М. : Новое литературное обозрение, 2010.
- Кавелти Дж. Изучение литературных формул // *Новое литературное обозрение*. 1996. № 22. С. 33–67.
- Козлов Е. В. Развлекательный нарратив в паралитературе: культурный статус и дискурсивные практики: дисс. ... докт. филос. наук. СПб., 2009. 347 с.
- Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // *Лотман Ю.М. О русской культуре. Статьи и исследования (1958–1993)*. СПб. : «Искусство-СПб», 1997. С. 818–827.
- Маркович А. В. Стратегии графоманского письма как способ провинциальной самоидентификации // *Лосевские чтения – 2012: матер. регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова*. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2012. С. 130–144.
- Олицкая Д. А. Образы Сибири в немецкой паралитературе XIX и XX вв. // *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2018. №18. С. 44–64.
- Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.
- Словарь терминов, используемых в фанфиках // *ЛитРес. Блог для авторов и читателей*. URL: <https://blog.selfpub.ru/slovar-terminov-v-fanfikh>
- Сухих И. Н. Русский литературный канон XX века: формирование и функции // *Вестник РХГА*. 2016. №3. С. 329–336.
- Степанов Ю. С. «Свои» и «чужие» // *Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры*. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 472–519.
- Усманова А. Р. Культурные исследования // *Постмодернизм. Энциклопедия*. Минск : «Интерпрессервис»; «Книжный Дом», 2001. С. 394–400.
- Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Коллеж де Франс // *Фуко М. Воля к истине: По ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет*. М. : Магистериум, Касталь, 1996. С. 47–97.
- Хализев В. Е. Теория литературы. М. : Высшая школа, 1999. 398 с.
- Черняк М. А. Классика в кривом зеркале массовой литературы. К вопросу о тенденциях российской словесности XXI века // *Studi Slavistici*. 2009. Т. 6. С. 123–140.

- Чупринин С. Жизнь по понятиям // Знамя. 2004. № 12. С. 140–155.
- Щербинина Ю. Под парусами паракритики // Континент. 2011. № 4 (150). С. 61–74.
- Эпштейн М. Début de siècle, или От пост- к прото-. Манифест нового века // Знамя. 2001. № 5. С. 180–198.
- Эпштейн М. Скрипторика. Введение в антропологию и персонологию письма // Новое литературное обозрение. 2015. № 1. С. 257–269.
- Ямпольский М. Б. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература. 1998. № 12. С. 214–221.
- Cerialo L., Dember G. *Metamodern Is What? : A Catalog of Cultural Artifacts*. 2013. URL: <https://whatismetamodern.com/>
- Kellner D., Best S. *The Postmodern Adventure: Science, Technology, and Cultural Studies at the Third Millennium*. N. Y.: Guilford Press, 2001. 163 p.
- Krauss R. Poststructuralism and the «Paraliterary» // *October*. Vol. 13 (Summer). 1980. Pp. 36–40.
- Creative Writing School: О нас. URL: <https://litschool.pro/about/>
- Saltz J. Sincerity and Irony Hug It Out // *New York Magazine*. 2010. 7 June. URL: <https://nymag.com/arts/art/reviews/66277/>
- Saint-Gelais R. *Fictions transfuges: La transfictionnalité et ses enjeux*. Paris : Éditions du Seuil, 2011. 320 p.
- Williams R. *Marxist introductions. Marxism and literature*. Oxford : Oxford university press, 1977. 217 p.

References

- Akker, R. (2020). Periodiziruyaya 2000-e, ili Poyavlenie metamodernizma [Periodizing the 2000s, or the Emergence of Metamodernism]. *Metamodernizm. Istorichnost', Afekt i Glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. M. : RIPOL Klassik. P. 34–60. (In Russ.).
- Blum, G. (2017). *Zapadnyy kanon: knigi i shkola vseh vremen* [The Western Canon: The Books and School of All Time]. M. : Novoe Literaturnoe obozrenie. 667 p. (In Russ.).
- Viracheva, V. A. (2021). Kul'tura obshchestva massovogo potrebleniya: neklassicheskaya metodologiya issledovaniya (S. Kholll, R. Dzhonson) [Culture of mass consumption society: non-classical research methodology (S. Hall, R. Johnson)]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologiy upravleniya i ekonomiki*. No. 2 (74). P. 60–70. (In Russ.).
- Voznyak, A. S. (2017). Grafomaniya kak kul'turno-esteticheskiy fenomen: postanovka problemy [Graphomania as a cultural-aesthetic phenomenon: problem statement]. *Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya*. No. 4. P. 175–180. (In Russ.).
- Gun, G. Ye. (2011). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Vypusk 8-4. P. 44–48. (In Russ.).
- Danto, A. (2018). *Chto takoe iskusstvo?* [What is art?]. M. : Ad Marginem. 168 p. (In Russ.).
- Dzheimison, F. (2019). *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnogo kapitalizma* [Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism]. M. : Izd-vo instituta Gaydara. 816 p. (In Russ.).
- Drugie literatury. Spetsial'nyy vypusk [Other Literatures. Special Issue] (1996). *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 22. 448 p. (In Russ.).
- Dubin, B. (2010). *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classics, After and Nearby: Sociological Essays on Literature and Culture]. M. : Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
- Kavelti, Dz. (1996). Izuchenie literaturnykh formul [Studying Literary Formulas]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 22. P. 33–67. (In Russ.).
- Kozlov, E. V. (2009). *Razvlekatel'nyy narrativ v paraliterature: kul'turnyy status i diskursivnye praktiki: diss. ... dokt. filos. nauk* [Entertaining Narrative in Paraliterature: Cultural Status and Discursive Practices: diss. ... doct. philos. sci.]. SPb. 347 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1997). *Massovaya literatura kak istoriko-kul'turnaya problema* [Mass Literature as a Historical-Cultural Problem]. *O russkoy kul'ture. Stat'i i issledovaniya (1958-1993)* [On Russian Culture. Articles and Studies (1958-1993)]. SPb. : Iskusstvo-SPb. P. 818–827. (In Russ.).
- Markovich, A. V. (2012). Strategii grafomanskogo pis'ma kak sposob provintsial'noy samoidentifikatsii [Strategies of Graphomaniac Writing as a Way of Provincial Self-Identification]. *Losevskie chteniya – 2012: mater. region. nauch.-prakt. konf. / pod red. A. V. Urmanova. Blagoveshchensk : Blagoveshchenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet*. P. 130–144. (In Russ.).
- Olitskaya, D. A. (2018). *Obrazy Sibiri v nemetskoj paraliterature XIX i XX vv.* [Images of Siberia in German Paraliterature of the 19th and 20th Centuries] // *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*. No. 18. P. 44–64. (In Russ.).
- Reytblat, A. I. (2001). *Kak Pushkin vyshel v genii* [How Pushkin Became a Genius]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 336 p. (In Russ.).
- Slovar' terminov, ispol'zuemykh v fanfikakh [Dictionary of Terms Used in Fanfiction] (n.d.). LitRes. Blog dlya avtorov i chtetsov. URL: <https://blog.selfpub.ru/slovar-terminov-v-fanfikah>. (In Russ.).
- Sukikh, I. N. (2016). Russkiy literaturnyy kanon XX veka: formirovanie i funktsii [Russian Literary Canon of the 20th Century: Formation and Functions]. *Vestnik RKhGA*. No. 3. P. 329–336. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1997). «Svoi» i «chuzhie» [“Our Own” and “Others”]. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury». P. 472–519. (In Russ.).
- Usmanova, A. R. (2001). *Kul'turnye issledovaniya* [Cultural Studies]. *Postmodernizm. Entsiklopediya* [Postmodernism. Encyclopedia]. Minsk : Interpresservis; Knizhnyy Dom. P. 394–400. (In Russ.).
- Fuko, M. (1996). *Poryadok diskursa. Inauguratsionnaya lektiya v Kollezhe de Frans* [The Order of Discourse. Inaugural Lecture at the Collège de France]. *Volya k istine: Po tu storonu vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Power and Sexuality. Works of Different Years]. M. : Magistr ium, Kastal'. P. 47–97. (In Russ.).
- Khalizev, V. Ye. (1999). *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. M. : Vysshaya shkola. 398 p. (In Russ.).

- Chernyak, M. A. (2009). Klassika v krivom zerkale massovoy literatury. K voprosu o tendentsiyakh rossiyskoy slovesnosti XXI veka [Classics in the Crooked Mirror of Mass Literature. On Trends in Russian Literature of the 21st Century]. *Studi Slavistici*. T. 6. P. 123–140. (In Russ.).
- Chuprinin, S. (2004). Zhizn' po ponyatiyam [Life by Concepts]. *Znamya*. No. 12. P. 140–155. (In Russ.).
- Shcherbinina, Yu. (2011). Pod parusami parakritiki [Under the Sails of Paracriticism]. *Kontinent*. No. 4 (150). P. 61–74. (In Russ.).
- Epshteyn, M. (2001). Debut de siecle, ili Ot post- k proto-. Manifest novogo veka [Début de siècle, or From Post- to Proto-. Manifesto of the New Century]. *Znamya*. No. 5. P. 180–198. (In Russ.).
- Epshteyn, M. (2015). Skriptorika. Vvedenie v antropologiyu i personalogiyu pis'ma [Scriptories. Introduction to Anthropology and Personalogy of Writing]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1. P. 257–269. (In Russ.).
- Yampol'skiy, M. B. (1998). Literaturnyy kanon i teoriya «sil'nogo» avtora [Literary Canon and the Theory of the “Strong” Author]. *Inostrannaya literatura*. No. 12. P. 214–221. (In Russ.).
- Cerialo, L. & Dember, G. (2013). *Metamodern Is What? : A Catalog of Cultural Artifacts*. URL: <https://whatismetamodern.com/>
- Kellner, D. & Best, S. (2001). *The Postmodern Adventure: Science, Technology, and Cultural Studies at the Third Millennium*. N. Y. : Guilford Press. 163 p.
- Krauss, R. (1980). *Poststructuralism and the «Paraliterary»*. *October*. Vol. 13 (Summer). Pp. 36–40.
- Creative Writing School: O nas* [Creative Writing School: About Us] (n.d.). URL: <https://litschool.pro/about/>. (In Russ.).
- Saltz, J. (2010). Sincerity and Irony Hug It Out. *New York Magazine*. 7 June. URL: <https://nymag.com/arts/art/reviews/66277/>.
- Saint-Gelais, R. (2011). *Fictions transfuges: La transfictionnalité et ses enjeux*. Paris : Éditions du Seuil. 320 p.
- Williams, R. (1977). *Marxist introductions. Marxism and literature*. Oxford : Oxford university press. 217 p.

Информация об авторе

Е. А. Селютина – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории медиа, Челябинский государственный университет.

С. Г. Симонова – преподаватель, Златоустовский индустриальный колледж им. П. П. Аносова.

Information about the author

E. A. Selyutina – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Media Theory, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation).

S. G. Simonova – Lecturer, P. P. Anosov Zlatoust Industrial College (Zlatoust, Russia).

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026, одобрена после рецензирования 20.03.2026,
принята к публикации 27.03.2026.

The article was received by the editors on 19.01.2026, approved after review on 20.03.2026;
accepted for publication on 27.03.2026.